

Огромная ошибка. И даже ныне, можно сказать, оказавшись отрезанным от матки, питавшей мое сознание гнойным сном, с приложением сил к биографии своей до этого дня имею серьезные проблемы. Все искажено.

Как и планировалось, с недюжинной помощью подручного механизма в форме полу-разумного голема мы прорвались через все недуги, через многие препятствия, в противном случае грозящих погубить. Амалия. Моя подруга по несчастью - ее сейчас и не вспомнить. На нее эта болезнь проявилась по-особенному, с долей изощренности заточителя-мучителя, судьбы. Этот случай - что суждено нам с нем было повидаться - он оказался для молодой особы раковым. Начну все с самого начала, ибо произошло слишком много событий.

Тридцать третий день.

Уставшие, но счастливые мы оказались там, откуда я изначально держал свой путь. С тяжестью упоминая то положение, в котором мы оказались до моего отбытия, я все же заметил серьезную странность, о которой до того не подозревал. Все, на удивление, было лучше, чем то могло бы быть. В лагере была еда, питьевая вода (не отличившаяся дефицитом), но больше - здесь скопилось куда больше народу, чем когда-либо мне чудилось. Не желая на то обращать ни малейшего внимания, я уподобился животному - гедонизм полностью овладел мною: багемные вечера в кругу "знакомых" дам, что тяготели по мне своей безмерной любовью; смерти, используемые в качестве повода к оргии - в знак памяти; взаимное испражнение и изливание соков в оргазме - в общем, то, о чем писано в "Садом и Гомора". Но долг взывал. Взывала гордость, которую до той поры, пока оное не прорвалось, сдерживалась в играх, учиненных в так называемом лагере.

Я вновь собирался. Вновь меня ждал долгий путь, к которому я готовился с очитки железного панциря нашего защитника - Альберта - так нарек я его. Амалии же в силу своей утомляемости проделанной дорогой и моего строгого наказания было позволено проститься, не покидая пределов мной положенного лагеря.

Под слезы и напутствия, перемешанные наидобрейшими пожеланиями, я ступил на тропу очередного приключения.

Тридцать восьмой день.

Под неустанным бдением Альберта прошли четыре дня, и на конец их я скоро оказался у стен-баррикад первого пункта назначения. От стен уходили в километровый диаметр пустыри, и беря за центр аванпоста башню, возвышающуюся на восемь метров, дозор имел возможность наблюдать каждого проходящего мимо с достаточно для быстрого реагирования расстояния.

Нас в сию же минуту заметили, и к тому часу, на который полагалась встреча, я предосудительно накинул на себя амулет, бывшим здесь опознавательным знаком. Скоро послышалась суeta по ту сторону ограды и ко мне вышел облаченный в латные доспехи немолодой парень с густой бородой. Узнав амулет, мы перешли к вести, несущейся в нем, - то был символ верховной власти некой ИРУ, стоящей наравне с организацией совета кочующих вождей. Этот статус, между тем, подтверждал и мое охранитель, стоявший грузно за моей спиной. Его ничего не выражающий лик только придавал солидности мне, то есть чинной персоне, зашедшей в сию глушь по велению "барского характера и любопытства" =)

Хотя это место обязано было быть социализма обителью, тем не менее люди не имеют

достаточных средств поддержания высокой цивилизации и, следовательно, вынуждены падать ниц пред тем, что некогда всем сердцем бранили. Расслоение на военную и научную элиты не заставило себя долго ждать, - и счастье мне, благодаря помощи в недалеком прошлом я смел не быть рабом-собирателем. Однако это скорее бронзовое столетие, облаченное в платья наших дней - я преувеличиваю относительно участи своей.

Сороковой день.

Я долго размышлял о судьбе Амалии. Что было бы, не ставь я ее ? Меня омрачало желание вернуться, бросив все прежде начатое. К черту ! - подумал я - Разве стоит жизнь ее этого дела, полученного от уже почившего человека ?

Рассказав о предмете своих поисков, оправдав незнание местной географии своей исключительно писарской деятельностью, я сдержал паритет настигнувших меня вопросов и узнал, что дескать моя дорога лежит в глубь государственного объединения по обстоятельствам отсутствия ИРУ в столь глухих местах.

Следом было небольшое пиршество в мою честь; чан с чаяниями неказистых и исковерканных ликов, отвечающих за аванпост, и их любезностей, что лились часами из каждого жеста их. - Я устал от этой игры и был рад проститься с тем местом на долгое время.

В паршивом настроении я все же пустил свой караван, к которому прибились ремесленники, пойманные и сдавшиеся у границ земель Союза. Десяток пленных и семь сопровождающих - этого, при наличии поддержки от моего лица, было вполне достаточно для пятидневного пути.

Ничего выразительно не случилось, мы успешно добрались до пункта назначения, где и расстались - они регистрировать несчастных умельцев рукоделия, а я - продолжать дорогу.

Пятьдесят третий день.

Произошло то же, что и в прошлом, однако на этот раз группы невольных рабочих были много больше прежней, как и стражников, со мной кочующих внутри Союза, как и таковых кочевьев. С каждым проделанным шагом блекли весь азарт и вся пошлость сотворенного. Мою голову занимали мысли о странности произошедшего со мной; если нахождение в иномирье можно было счесть за нечто здоровое, прожив здесь, то люди - с первого дня они были излишне экспрессивными..., словно клишированные персонажи. Я был поглощен этими мыслями, и больше мне претила судьба Амалии.

Пятьдесят пятый день.

Войдя в селение Двинанск, насчитывающее в себе девять тысяч душ, я сумел, наконец, отыскать отдел ИРУ. Это было двухэтажное здание из дерева, подпираемое снаружи и внутри колоннами для большей прочности. Казалось, этому архитектурному ужасу было свыше сотни лет. Я вошел вместе с кислородом, что в этом небольшом, затхлом и покосившемся помещении был редкостью, и было неприветливым в нем все, как и в сидевшем на ресепшене молодом парне семнадцати лет. Меня оповестили, это был филиал организации, изучающей основополагающие законы мира и его аномалии. Не смутившись, а будучи точнее, не проявив внутреннего напряжения, я объявился вышестоящим членом организации и спросил насчет местоположения административного главы сего в Двинанске. Нисколько не воспротивившись моему заявлению, подросток скрылся во тьме, прихватив с собою всяких звуков.

Ожидания едва продлились более десяти минут. Ко мне вышел худощавого телосложения, по внешнему виду, угрюмый и одинокий мужчина средних лет в оборванных и наспех сшитых одеяниях, схожих на балахон. Продемонстрировав опознавательный знак организации и приняв приглашающий кивок, мы поднялись на второй этаж, где в неприглядной комнате начался наш с господином Роботином и его подручным, Николаем, разговор.

<http://tl.rulate.ru/book/21760/1446149>